
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ

Введение

В процессе размышлений над историческими событиями всегда возникает вопрос о роли исторических деятелей: как повлияла определенная личность на выбор той или иной альтернативы развития? изменил ли ход истории результат ее деятельности и насколько? было ли неизбежным такое изменение или нет? и т. п.

Интерес к проблеме роли личности во многом зависит от положения философии и теории истории в системе знания, а также от характера самой эпохи. Естественно, что в спокойные времена он снижается, а в бурные – растет. Так, в первой половине XX в. проблема роли личности была очень актуальной (см.: Hook 1955: 3), поскольку оказалось – на первый взгляд неожиданно, – что выплывшие как будто бы ниоткуда деятели способны «перевернуть» не только свои страны, но и весь мир, а также и весь уклад жизни.

Современный период – но уже на другой лад – также является судьбоносным, причем не для отдельных стран, а для всего мира в целом. Вопреки звучащим в начале 1990-х гг. прогнозам о «конце истории» (см.: Fukuyama 1992) события последних десятилетий свидетельствуют об обратном. История подошла не к концу, а к началу грандиозных перемен. Человечество оказалось у нового поворотного пункта развития, а в такие эпохи действия субъектов истории, к которым, несомненно, относятся политики и другие «значимые личности», в определенных случаях могут оказать особое влияние на последующее развитие.

Тут, забегаая вперед, скажем: поскольку роль личности растет в зависимости от масштаба сцены, а также от того, сколько «запас-

ных» путей есть у эволюции, можно говорить о том, что глобализация существенно повышает роль личности, в том числе роль ученых и иных инноваторов. Ведь альтернативных путей развития становится меньше, а следовательно, риск растет.

Из очевидной истины о том, что люди делают историю, вытекает целый ряд вопросов, остающихся по-прежнему дискуссионными, например какова в общей человеческой деятельности роль выдающихся людей, этих, по выражению С. Л. Утченко (1973: 3), вечных спутников человечества. Или возьмем такую сложную и едва ли не центральную для философии истории проблему соотношения закономерного и случайного. С одной стороны, мы знаем огромное число случаев, когда смена личностей (например, череда убийств монархов и переворотов) не влекла решающих перемен¹. С другой стороны, несомненно, бывают отдельные – хотя и не столь уж редкие – периоды и обстоятельства, когда от, казалось бы, малых вещей в большей или меньшей степени зависит будущее не только отдельных обществ, но и всего человечества. Причем такие судьбоносные моменты всегда связаны с борьбой и влиянием различных исторических деятелей. А ведь присутствие или отсутствие той или иной личности в определенный момент всегда до известной степени случайно и остается таковым, пока какая-то личность появляется и закрепляется в определенной роли (тем самым затрудняя или облегчая приход других)².

Таким образом, уловить, от чего зависит роль личности: от нее самой, исторической ситуации, исторических законов, случайностей или от всего сразу, в какой комбинации и как именно, – сложно. Мы уже не говорим о том, что и сам ответ в огромной степени зависит от избранного нами аспекта, угла и точки зрения, рассматриваемого периода и прочих релятивистских и методологических аспектов.

¹ В истории множество периодов, как в Индии после Гуптов (VII–IX вв. н. э.), которые, говоря словами историка, представляют собой «однообразное чередование распрей между соперничающими местными династиями», и подробности этих распрей «монотонны и никому не интересны, кроме специалистов» (Бэшем 1977: 82–83).

² Тогда «случайность перестает быть случайностью именно потому, что налицо данная личность, которая накладывает отпечаток на события и придает им тот или иной облик, определяя, как они будут развиваться» (Лабриола 1960: 183).

«Самый факт, что в основе всей истории лежат противоречия, противоположности, борьба, войны, – справедливо подчеркивает А. Лабриола, – объясняет решающее влияние определенных людей при определенных обстоятельствах» (Лабриола 1960: 182–183). Но вопрос о том, что это за «определенные обстоятельства», в каких случаях они возникают, а в каких нет, следовательно, когда роль личности (и какой личности) велика, а когда мала, требует особых анализа и процедур, включающих множество факторов, в том числе характер эпохи и общества и т. п. Анализу этих процедур и обстоятельств в авторской интерпретации будет посвящена следующая статья, в которой также рассмотрены современные взгляды на проблему. А в настоящей статье мы сосредоточимся на том, как решали эти проблемы мыслители и историки прошлого (с древности до начала XX в. включительно).

1. Представления о роли личности в истории до середины XVIII в.

Историю взглядов на проблему роли личности в истории можно разделить на два больших этапа: 1) когда эта проблема в качестве самостоятельной проблемы теории и философии истории не выделялась (примерно до первой трети – середины XVIII в.), но так или иначе поднималась в связи с рассмотрением различных иных вопросов; 2) когда она стала одной из самостоятельных проблем философии истории (с середины XVIII в.)³.

Историография возникла не в последнюю очередь из потребности описать великие деяния правителей и героев. Но поскольку еще не было собственно теории и философии истории, естественно, что долгое время и проблема роли личности как самостоятельная не рассматривалась. Лишь в нечетком виде она возникала вместе с таким философским вопросом: имеют ли люди свободу выбора или все предопределено заранее волею богов, судьбою? И т. п. Чаще всего эти вопросы решались в том смысле, что судьбы людей находятся полностью в руках высших сил. Особенно ярко это вы-

³ В данной работе я не затрагиваю важный вопрос о понятии личности, каковое является очень многозначным (о разных подходах к этому понятию в различных науках см., например: Парыгин 1971: 96–114).

ражено в исторических книгах *Библии* («Книга царств» и др.), которые оказали, без преувеличения, огромное влияние на средневековую и последующую историографию и теологию истории.

Античность. Древние греки и римляне в большинстве своем смотрели на будущее фаталистично, то есть они в целом считали, что судьбы всех людей предопределены заранее. Вот почему тема предсказаний и предопределений, которые непременно – несмотря ни на какие попытки обойти волю судьбы – осуществляются, очень характерна для них. Такова, например, история персидского царя Кира, будущее которого было предсказано его деду-мидийцу Астиагу во сне (Геродот. История I: 107 и далее). И такова же история Ромула и Рема (Ливий. История Рима от основания города I: 1, 3–4).

В то же время греко-римская историография была в основном гуманистической, поэтому наряду с верой в судьбу в ней присутствовала идея, что от сознательной деятельности человека зависит очень многое. Например, даже постоянно упоминающий о судьбе в своей «Всеобщей истории» Полибий (200–120 гг. до н. э.) считал, что разорвать круг цикличности, в результате которого происходит деградация государств, все же можно, если установить смешанную форму государства, сочетающую начала монархии, аристократии и демократии, чтобы каждая власть служила противодействием другой, как это было сделано в Риме и Карфагене (Полибий. Всеобщая история VI: 10, 6). Естественно, что сделать это без выдающихся людей было бы невозможно⁴.

В любом случае, деятельность личностей – один из самых очевидных исторических факторов. Примеры выдающихся полководцев и государственных деятелей, добившихся потрясающих успехов (таких как Александр Македонский) или, напротив, проигравших (как Ганнибал или Пирр), никого не могли оставить равнодушными. Неудивительно, что ряд историков, особенно тех, кто работал в жанре биографии, как Плутарх (ок. 45 – ок. 127 гг. н. э.), придавали большое значение роли отдельных исторических лично-

⁴ Но вообще Полибий нередко противоречит сам себе, в другом месте утверждая, что и смешанные формы неизбежно ждет упадок (Полибий. Всеобщая история VI: 9, 12–13; см. также: Тьжов 1994: 28).

стей⁵. Веру греков и римлян в роль выдающихся людей подтверждает и то, что они приписывали отдельным законодателям (Ликургу, Ромулу, Сервию Туллию и др.) единовременное установление определенного порядка на долгие века, хотя современные исследователи говорят, что многие приписываемые древним законодателям установления были введены в течение длительного времени и трансформировались в ходе истории.

Таким образом, для греко-римской общественно-исторической мысли характерна двойственность. С одной стороны, какая бы причина исторических событий ни выдвигалась тем или иным античным историком, все они в конечном итоге склонялись к признанию высшей причины, часто отождествляемой с понятием судьбы, которой подчиняются даже боги и которую невозможно познать (см.: Кузищин 1980: 15). Но, с другой стороны, для античной мысли важнейшими движущими силами истории выступали также и вполне земные причины⁶. Особенностью такого взгляда являлось то, что в античности не было ни характерной для Ближнего Востока примитивности, ни тотального провиденциализма Средних веков.

По мнению Р. Коллингвуда, античная историография была повествованием об истории человеческих деяний, целей, успехов и неудач. Она допускала божественное вмешательство, однако у богов не было собственного плана развития человеческой истории. Они только обеспечивали успех или же разрушали планы людей. Поэтому у античных писателей имелась нечеткая тенденция к уменьшению роли богов или к замене ее простыми олицетворениями человеческой деятельности, такими как гений императора, богиня Рима или же добродетели, изображенные на римских импера-

⁵ Недаром Т. Карлейль рассматривал Плутарха и в известной мере Светония как идеал подлинного историка. Интерес к биографическому жанру возникает уже у логографов, в частности можно указать на «Родословные» Гекатея из Милета (ок. 546–480 гг. до н. э.).

⁶ Например, Корнелий Тацит в одной из книг размышляет над проблемой «определяются ли дела человеческие роком и непреклонной необходимостью или случайностью», приводя различные мнения на этот счет, одно из которых гласит, что богам нет ни малейшего дела до смертных, другое – что жизненные обстоятельства преуказаны роком, но не вследствие движения звезд, а в силу оснований и взаимосвязи естественных причин. Но большинство смертных считает, что их будущее предопределено с рождения (Тацит. *Анналы* VI: 22).

торских монетах (и добавлю – еще чаще судьбой, роком, фатумом). Конечным результатом этого развития оказывалась тенденция к поиску причин всех исторических событий в личности, индивидуальной или корпоративной, действующей в истории. Все это приводило к выводу, что любое историческое событие – прямой результат человеческой воли, что кто-то всегда ответствен за него и именно эту личность надо хвалить или порицать за данное событие в зависимости от того, оказалось оно хорошим или плохим (Коллингвуд 1980: 41–42).

Тем не менее, несмотря на многие заслуги античной историографии, она не создала цельной философии истории (см.: Лосев 1977: 22 и др.; Гринин 2010а: 186–187), а те идеи, которые в ней имелись, часто сводили историческое развитие к вечным циклам. Проблема роли личности не была по-настоящему поставлена античными авторами, а указанная двойственность (между фатализмом и верой в силы человека) в любом случае не позволила бы античным авторам ее решить.

Средние века. Иначе и в определенной мере более логично (хотя, конечно, неверно) проблему роли личности решали в средневековой теологии истории. Согласно этому взгляду, исторический процесс недвусмысленно рассматривался как реализация не человеческих, а божественных целей.

История, по представлениям Августина и абсолютного большинства других христианских мыслителей, осуществляется по изначально имеющемуся божественному плану, а те или иные люди являются избранными богом деятелями. Они могут воображать, что действуют согласно своим воле и целям, но в действительности их деятельность направлена на реализацию замысла, который известен только Богу. Однако последний действует не прямым образом, а именно через избранных им людей. Следовательно, понять роль этих людей означало отыскать намеки на замысел Бога. Вот почему интерес к роли личности в истории в определенном аспекте приобретал особую значимость.

Возник и зародыш будущего расхождения в понимании исторических законов и роли личности. С одной стороны, исторический деятель – человек, ибо все, что происходит в истории, проис-

ходит по его воле. С другой стороны, человек изначально не способен предвидеть результаты своих действий, он существует лишь как средство осуществления божественных предначертаний (см.: Коллингвуд 1980: 41–42). Это принижало гуманистический аспект истории, но поиск скрытых за действиями людей более глубоких причин, чем их желания и страсти, объективно способствовал развитию философии истории (в которой эта воля Бога либо оставалась в той или иной интерпретации, например Абсолюта, как у Гегеля, либо заменялась неумолимыми законами истории)⁷.

Однако Августин и другие средневековые философы, в том числе и Фома Аквинский, оказались не в состоянии непротиворечиво разрешить проблему свободы воли (выбора) человека⁸. Если он свободен, то должен отвечать за свои поступки; если же все предопределено, то человек не может отвечать за себя, он просто марионетка, а значит, в его прегрешениях нет вины. Забегая хронологически вперед, отметим, что в период Реформации XVI в. проблема свободы воли человека встала с новой силой. Реформаторы (Лютер, Кальвин, Цвингли и др.) обратились к Библии как к непосредственному источнику божественного откровения. Лютер (в отличие от таких немецких гуманистов, как Эразм Роттердамский) не признавал свободы воли и настаивал на буквальном толковании принципа божественного провидения. Согласно Кальвину, судьбы людей предопределены Богом заранее, поэтому среди людей есть избранные и осужденные. Последние не могут собственными усилиями добиться благословения, а избранные в любом случае остаются избранными. Таким образом, представление о человеческой судьбе и истории предстает в учении Кальвина полностью фаталистическим. При этом, постоянно пересматривая свой главный труд «Наставления в христианской вере», Кальвин даже усиливал этот фатализм (Порозовская 1995: 186–187, 193). Однако в его концепции нашелся удачный спасительный выход. Человек не может знать заранее, избран ли он. Только состояние его дел косвенно показывает, приближен ли он к Богу. Это способствовало тому, что

⁷ О влиянии средневековой теологии истории на формирование философии истории в Новое время см. также: Гринин 2010б: 154–157.

⁸ У Августина есть сочинение «О свободе воли» («De libero arbitrio»).

кальвинисты стремились к наибольшему успеху в жизни. Станным образом фатализм кальвинистского учения не повлиял на активную жизненную позицию многих исповедовавших его людей. Никто из верующих не сомневался в своем спасении, но только старался оказаться достойным его (Порозовская 1995: 256)⁹.

Несмотря на провиденциализм, биографический жанр был довольно распространен в средневековой историографии¹⁰. Заметных успехов в этом жанре достигли византийские историки в период подъема византийской культуры в XI–XII вв. В частности, грандиозным жизнеописанием императора Алексея I Комнина является написанная его дочерью Анной Комниной (1083 – ок. 1148) «Алексиада». Труд крупнейшего историка Византии Михаила Пселла (1018 – ок. 1078 или ок. 1096) «Хронография» является одним из наиболее заметных памятников византийской исторической мысли. Каждая глава сочинения Пселла посвящена определенному императору, фигура которого оказывается уже не просто одним из звеньев времени, как в хрониках, а предметом биографического повествования. В его представлении любой человек – существо противоречивое, изменчивое и непостоянное, и задачу свою он видел в том, чтобы эту противоречивость и изменчивость изобразить (см.: Долинин, Любарский 1999: 360). Как отмечает А. Л. Шапиро (1993: 53), здесь мы видим заметное продвижение в методе исторического портрета по сравнению с тем, что делали Тацит и другие римские писатели. Будучи христианином, Михаил Пселл возводил события истории к воле божественного провидения, но в то же время, подобно своим античным предшественникам, считал необходимым исследовать их земные причины и результаты, в том числе и деятельность конкретных личностей.

Если обратиться к ранневизантийским предшественникам Пселла, то нельзя пройти мимо такой крупной фигуры, как Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 – после 562). Этот сирийский грек, получивший прекрасное светское образование, преуспевал на

⁹ О проблеме свободы воли см. также: Столяров 1999.

¹⁰ Среди многих назову, например, работу автора VI–VII вв. Исидора Севильского «История королей готов, вандалов и севеов», а также единственное прижизненное «Жизнеописание Карла Великого» Эйнхарда (в другом написании Эгингарда, 770–840).

дипломатической и политической службе при дворе императора Юстиниана I, названного Великим. Это был период наивысшего подъема Византийской империи, когда казалось, что удастся возродить Римскую империю в полном объеме и на Востоке, и на Западе. Эпоха Юстиниана ознаменовалась также колоссальным достижением общественной мысли – кодификацией римского права, сыгравшего огромную роль в становлении европейской цивилизации. Но Юстиниан надорвал силы империи. Все это определяет двойственность позиции Прокопия. Очень интересно для понимания нашей темы увидеть, как оценка роли личности в истории зависит от самого историка, его положения и мировоззрения. Если в своих официальных произведениях «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами» и «О постройках Юстиниана» Прокопий прославляет императора, его войны и политику, то в своей «Тайной истории» излагает иной взгляд на состояние империи, облик ее правителей и политической элиты. Он подверг Юстиниана и его окружение критике и резкому моральному осуждению, изобразил его правление как тиранию, а результаты его политики расценил как вредные и губительные для государства.

В отличие от европейской арабская мысль, также очень склонная к провиденциализму, все же отдавала большую дань вкладу исторических личностей в ход событий, хотя, разумеется, никакой особой теории тут не было и не могло быть создано¹¹. Напротив, наиболее крупный и известный арабский теоретик (социолог, историк и философ) Ибн-Халдун (1332–1406) в своей концепции, изложенной в большом «Введении» (по-арабски «Мукаддима») к обширному историческому труду «Книга примеров по истории арабов, персов, берберов и народов, живших с ними на земле», скорее придерживался детерминистского взгляда, рассматривая ход истории как повторение с вариациями династийно-политического цикла. В его изложении роль личности правителей не особенно важна, так как ходом истории управляют законы смены династий и фаз изменения жизни в государстве (тексты и комментарий см.: Игнатенко 1980; см. также: Бациева 1965).

¹¹ Однако биографический жанр был достаточно популярен, начиная с истории древних пророков и жизнеописания Мухаммеда Ибн Исхака (704–767), чье произведение послужило образцом для всех последующих, посвященных той же теме.

В большей мере роль личностей учитывается, пожалуй, в китайской историографии, где объяснение упадка династий связывается с неправильной политикой, а философско-политические трактаты указывают, в каком случае политика оказывается удачной, а в каком – нет¹². Дело в том, что династийные истории в китайской историографии составлялись уже *после падения династии*, когда появлялась возможность критически оценить результаты ее деятельности и применить концепцию «мандата неба» (то есть поддержки или отказа от поддержки императора высшими силами). Однако все же в китайской традиции преобладают морально-назидательные концепции, стремящиеся показать, что отход от конфуцианской морали ведет к потере «мандата неба».

Отметим, кстати, что на интерес к роли личности в китайской историографии указывает и тот факт, что начиная с «Исторических записок» основоположника китайской историографии Сыма Цяня (145–86 гг. до н. э.) и «Истории Ханьской династии» Бань Гу (32–92 гг. н. э.) в исторические сочинения часто включаются целые разделы, посвященные биографиям исторических личностей.

В эпоху Возрождения, особенно в ее ранний период, гуманистический аспект истории вышел на первый план¹³, поэтому и вопрос о роли личности – правда, не как теоретическая в чистом виде проблема – занял довольно видное место в рассуждениях гуманистов. Интерес к биографиям и деяниям великих людей был очень высоким. И хотя роль Провидения по-прежнему считалась ведущей в истории, в качестве важнейшей движущей силы признается и деятельность выдающихся людей. В целом у гуманистов, особенно раннего итальянского Возрождения (а также и у части их современников-интеллектуалов в других странах, хотя и не всегда в той

¹² Династийные истории создавались по приказу монарха и получали его утверждение. Первая из них принадлежит знаменитому древнекитайскому историку Бань Гу, последняя, «Мин ши» («История династии Мин»), была составлена в XVIII в. при маньчжурской династии Цин (1644–1911) (см.: Кучера 2002: 166).

¹³ Надо учитывать, что гуманистическим в чистом виде было только раннее Возрождение в Италии, когда проблемы религии не стояли на первом месте. А позднее Возрождение (XVI–XVII вв.) захватило и период Реформации, в которой усилились как раз темы роли божьего провидения и провиденциализма (о чем уже сказано выше). В данном разделе речь идет в основном о подходах, которые условно можно считать безразличными к религии или иногда секулярными.

же степени)¹⁴, подход был существенно сходным с античными авторами. Это неудивительно, так как гуманисты и рассматривали свою эпоху как возврат (возрождение) античной культуры, перед которой в прямом смысле слепо преклонялись. Так же, как и их античные кумиры, они не рассматривали вопрос о роли личности в теории, но зато так или иначе рассуждали о земных причинах успехов, неудач, влияния политических и исторических деятелей и их личных качествах, повлиявших на результат. Самостоятельное значение приобретал биографический жанр, создание исторических портретов, например «Жизнь замечательных людей» XV в. Веспасиано да Бистиччи (1421–1498), «Книга жизнеописаний Христа

и всех пап» Бартоломео Платины (1421–1481). Как считает Л. М. Брагина (1999: 54), именно признанием роли личности в истории были обусловлены, в частности, и весьма распространенные в трудах гуманистов так называемые вставные речи, вкладывавшиеся в уста отдельных деятелей с целью показать их влияние на дальнейший ход событий (Там же; см. также: Галкин 1977: 14). Однако с этим можно согласиться только отчасти. Во многом тут чувствуется не столько сознательное осмысление роли личности, сколько подражание Фукидиду и некоторым другим античным авторам, активно использовавшим такой литературный прием.

Существенным исключением в вопросе о роли личности (как и в ряде других отношений) была концепция Н. Макиавелли, изложенная прежде всего в его знаменитой работе «Государь» (или «Князь»; см., например: Макиавелли 1990), в которой он считает, что от целесообразности политики правителя, от его способности использовать нужные средства, включая самые аморальные, зави-

¹⁴ Например, таких французских историков, как Филипп де Коммин (1447–1511), который сначала был доверенным советником герцога Бургундского Карла Смелого, а впоследствии состоял на службе у короля Франции Людовика XI. В своих мемуарах Коммин не только описывает перипетии борьбы за централизацию Франции в XV в., но и формулирует политическую теорию о государе и государстве, в которой, в частности, высказывались идеи о том, что в политике «цель оправдывает средства», позже развитые Н. Макиавелли. Впрочем, Людовик XI едва ли не в большей степени, чем Чезаре Борджа, давал примеры «макиавеллизма» в политике (см., например: Грановский 1987).

сит успех его политики и – если реконструировать его идеи – во многом ход истории.

Макиавелли, как и другие гуманисты, включая таких выдающихся, как Жан Боден (1530–1596), активно использует наследие античности. За образец он взял концепцию Полибия. Как и последний, но без столь многочисленных ссылок на судьбу и более последовательно, Н. Макиавелли исходил из признания того, что в истории действуют, говоря современным языком, объективные закономерности. Он также развивал сходную с идеей Полибия (который в свою очередь опирался на идеи «Политики» Аристотеля) концепцию о циклическом развитии форм политической организации общества. Поэтому вслед за Полибием он говорит о шести формах правления в их оппозиции (положительная – отрицательная формы): монархия – деспотия; аристократия – олигархия; демократия – анархия. Он показывает смену этих форм правления примерно так же, как и Полибий: монархия постепенно вырождается в тиранию, после ее свержения возникает господство аристократии; аристократия вырождается в олигархию; затем народ свергает олигархию; возникает демократия, которая позже вырождается во власть черни и в анархию. После этого государство должно погибнуть, *если не будет его обновления в результате прихода к власти какой-то сильной личности*, способной установить порядок и провести должные изменения в этом раздираемом враждой обществе. Этот момент, однако, Макиавелли в отличие от Полибия рассматривает всесторонне и подробно.

Макиавелли видит выход в объединении Италии под властью сильного и лишенного угрызений совести государя. В этот период Италия страдала от раздробленности. Поэтому Макиавелли казалось, что лучше любой самый беспринципный государь во главе единой Италии, чем постоянно соперничающие многочисленные итальянские государства, неспособные отразить внешнюю агрессию Франции и других стран (как позже Т. Гоббсу казалось, что лучше нарушение прав людей со стороны государства, чем внутренние смуты). Для достижения этой цели правитель, по мнению мыслителя, должен использовать все средства, в том числе аморальные: он всегда будет оправдан, если результаты окажутся хо-

роши. Как бы ни относиться к идеям Макиавелли, нельзя не признать, что своим откровенным и даже циничным описанием соотношения моральных норм и политической целесообразности¹⁵ он поставил перед политической наукой и философией истории одну из самых сложных и дискуссионных проблем, которая уже несколько веков не может оставить никого равнодушным¹⁶. Политика представляла во всей ее противоречивости и реальности, а ее изучение переходило на уровень научного анализа (см.: Гринин 2010в: 173).

Для нашей темы важно, что Макиавелли поставил вопрос о соотношении цели и результата, а также был одним из первых, кто подчеркнул, что важную роль в истории могли играть не только герои, но и деятели аморального плана. Забегая далеко вперед, стоит отметить: современная наука признает, что роль личности, к сожалению, далеко не всегда пропорциональна интеллектуальным и моральным качествам самой этой личности. Как писал К. Каутский, «под такими выдающимися личностями не обязательно нужно подразумевать величайших гениев. И посредственности, и даже стоящие ниже среднего уровня, а также дети и идиоты могут стать историческими личностями, если им попадает в руки большая власть» (Каутский 1931: 687).

¹⁵ «...Вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность», – пишет Макиавелли (1990: гл. XV). В таком взгляде, к сожалению, много правды даже и в современной ситуации. Вспомним, например, что вовремя не примененная сила в отношении национализма привела к развалу СССР.

¹⁶ При этом нелишним будет отметить, что, с одной стороны, сам по себе этот историк вовсе не был жестоким по характеру или лицемером. В его личной жизни во многом можно наблюдать полное расхождение между теорией и практикой (см.: Косминский 1963: 58). С другой стороны, молодой и обаятельный Цезаре Борджа (Цезарь Борджиа [ок. 1475–1507]), силач, отважный полководец и искусный политик, прототип которого изобразил Макиавелли в «Государе», несмотря на неразборчивость в средствах, беспощадность, беспринципность и распущенность, отнюдь не был только чудовищем, как его нередко изображают, а имел немало положительных качеств. Он умел привлекать и ценить людей, в целом, в пороках не так уж выделялся на общем неприглядном политическом фоне Италии конца XV – начала XVI в. К тому же надо учитывать, что на него неоднократно совершались покушения, в результате одного из них в 1503 г. его отец, папа Александр VI, умер, а Цезаре несколько месяцев проболел.

В период XVI и XVII вв. растет вера в новую науку, поэтому и на историю начинают смотреть как на отрасль, в которой можно найти законы (что было важным шагом вперед). В итоге постепенно вопрос о свободе воли человека решается более логично на основе своего рода деизма: роль Бога полностью не отрицается, но как бы ограничивается. Иными словами, Бог создал законы и дал миру первотолчок, но далее, поскольку законы вечны и неизменны, человек свободен действовать в рамках этих законов. Таким образом, вопрос о свободе воли решается по-новому. Но в целом, особенно в XVII в., проблема роли личности не была среди важных. Рационалисты не формулировали свой взгляд на нее достаточно определенно, но с учетом их представлений о том, что общество есть механическая сумма индивидов, они признавали большую роль выдающихся законодателей и государственных деятелей и их способность преобразовать общество и изменить ход истории (см., например: Барг 1987: 308). Косвенно об этом свидетельствуют и идеи общественного договора, получившие относительно законченный вид в работах Т. Гоббса (1588–1679) «Левиафан, или Материя, теория и власть государства церковного и гражданского» (см.: Гоббс 1991) и Дж. Локка (1632–1704) «Два трактата о правлении» (см.: Локк 1988). В частности, Гоббс, осмыслив тяжелый опыт ожесточения революции и гражданской войны в Англии, пришел к выводу, что государство возникло в результате общественного договора с целью положить конец существовавшей до того разобщенности и вражде между людьми, оно призвано поддерживать мир и безопасность граждан. Такие идеи фактически предполагали, что эти первые безымянные деятели (личности), заключившие подобный договор, задали направление развития истории¹⁷.

О том, что проблема роли личности интересовала мыслителей этой эпохи, но не была философски ими осмыслена, свидетельствует и знаменитый афоризм Блеза Паскаля (1623–1662): «Нос Клеопатры: будь он чуть покороче – облик земли стал бы иным»,

¹⁷ Н. Кареев, правда, не без основания считает, что если бы они развивали свои взгляды на роль личности, то Гоббс бы выступал скорее как детерминист, а Локк отвел бы личности большую роль в истории (Кареев 1890: 61).

сформулированный именно в XVII в.¹⁸ Характерно, что это высказывание сделано в первую очередь в отношении роли такого предмета, как любовь (которая в наступавшем куртуазном веке сделалась важнейшей темой), а уж во вторую очередь относилось к истории. И все же при всей легковесности и даже комичности этого афоризма нельзя не отметить, что он содержит в себе часть спектра проблемы, связанной с ролью личности.

Стоит заметить, что такие метаморфозы и загадки истории всегда волновали тех, кто размышляет над ней. На такие темы, например, рассуждали Поль Анри Гольбах, Шарль Сент-Бев, Александр Дюма-старший и многие другие. Андрэ Моруа, посвятивший афоризму Паскаля в «Письмах незнакомке» небольшую главку (Моруа 1998: 527–529), в частности, пишет: «Если бы Арлетта Ставиская меньше любила драгоценности, история Третьей республики сложилась бы по-иному. Если бы солдаты, вовремя доставившие в вандемьере пушки Бонапарту, задержались в пути хоть на десять минут, ну, скажем, чтобы промочить горло, в наших книгах не упоминались бы ни Аустерлиц, ни Ваграм. Пришли президент Вильсон в свое время в Париж какого-нибудь сенатора-республиканца, Америка на пятьдесят лет, а быть может, и навсегда, была бы вовлечена в политическую жизнь Европы». А известный русский деятель С. Ю. Витте (1960: 92–93) в своих воспоминаниях описывает, как по случайности чуть не произошла катастрофа вагона, где ехала будущая княгиня Юрьевская (на которой позже император Александр II женился морганатическим браком). Автор пишет: «Сколько раз после я думал: ну, а если бы произошла ошибка и наш поезд меньше даже, чем на минуту, опоздал бы? Ведь тогда произошло бы крушение поезда и от вагона, в котором

¹⁸ Ларошфуко, Паскаль, Лабрюйер (1974: 147). Итак, по Паскалю, будь Клеопатра не столь красива, Антоний не женился бы на ней, и гражданская война в Риме могла иметь иной результат: вместо императора Октавиана Августа появился бы император или диктатор Антоний. Напомню, что, согласно Плутарху, в разгар решающего морского боя между флотом Антония и Октавиана (у мыса Акция в Западной Греции в 31 г. до н. э.) 60 кораблей Клеопатры неожиданно поставили паруса и, прорвавшись сквозь ряды «своих» и врагов, резко повернули на юг и ушли в сторону Пелопоннеса. Тогда Антоний, который, по словам очевидцев, уже давно был словно околдован Клеопатрой, в сопровождении лишь двух приближенных перешел со своего флагмана на пентеру и ринулся влед за царицей, бросив армию и флот на произвол судьбы.

ехала княгиня Юрьевская, остались бы одни щепки, и какое бы это имело влияние на будущую судьбу России, не исключая, может быть, 1 марта? (то есть убийства Александра II народолюбцами. – Л. Г.). Когда я думаю об этом, мне приходит в голову такое философское рассуждение: от каких ничтожных случайностей, часто от одной минуты времени, зависит судьба народов, и колесо истории поворачивается в ту или иную сторону»¹⁹.

Вполне очевидно, что при прочих равных условиях несчастный случай, нелепая ошибка и т. п. с обычным рядовым человеком гораздо реже могут стать причиной важных событий (и то, скорее всего, непрямо), чем случаи в отношении людей, которые управляют обществом. Однако сложность выводов из таких ситуаций (о том, могла ли та или иная мелочь или случайность изменить ход истории, и если да, то как именно) связана не только с тем, что история не знает сослагательного наклонения. В так называемой контрфактуальной истории, о которой мы будем говорить в следующей статье, историки даже пытаются обходить этот момент. Дело в том, что далеко не все перевороты, катастрофы и т. п. приводили к серьезному влиянию на основной ход исторических событий. Таким образом, сложность состоит в том, чтобы определить, когда и в каких отношениях такие мелочи могут иметь существенное значение, а когда и более серьезные вещи не имеют значения. Разумеется, значимым остается и аспект анализа: в каком смысле изменить, для кого важно, на каком уровне обобщения и т. п. Ведь то, что не повлияет на ход мирового исторического процесса, может круто изменить ситуацию в отдельном обществе.

2. Развитие взглядов на роль личности в XVIII – начале XX в.

В период Просвещения возникла философия истории. Одной из ее важнейших идей была следующая: существуют естественные законы общества, которые базируются на вечной и общей природе людей. Вопрос о том, в чем заключается эта природа, решался

¹⁹ Кстати сказать, сам Витте был замечен императором Александром III и включен в правительство в качестве министра путей сообщения после реально произошедшей катастрофы царского поезда в Борках около Харькова, в котором ехал уже император Александр III. О возможности такой катастрофы Витте как железнодорожный служащий предупреждал, и император (чудом оставшийся в живых), естественно, вспомнил об этом.

по-разному. Но господствовало убеждение, что общество можно перестроить согласно этим законам на разумных началах. Отсюда признавалась высокой и роль личности в истории. В частности, считалось, что выдающийся правитель мог радикально изменить ход истории, просто придя к мысли о необходимости этого и имея достаточно воли и средств. Например, Вольтер в своей «Истории Петра Великого» изображал Петра I как некоего демиурга, насаждающего культуру в совершенно дикой стране²⁰. В то же время нередко выдающихся людей (особенно религиозных деятелей – по причине идейной борьбы с церковью) эти философы изображали в гротесковом виде, как обманщиков и плутов, сумевших своей хитростью повлиять на мир²¹. Это свидетельствовало, правда, о поиске ими иных, чем Провидение, причин развития, но выглядело примитивно. Просветители не понимали, что личность не может возникнуть ниоткуда, что она должна в какой-то мере соответствовать уровню общества. Следовательно, личность может быть адекватно понята только в той среде, в которой она могла появиться и проявить себя²². В противном случае напрашивается заключение о слишком большой зависимости хода истории от случайного появления гениев или выдающихся обманщиков²³. Но в плане развития интереса к теме роли личности просветители сделали много. Именно с периода Просвещения она становится одной из важных теоретических проблем.

²⁰ Иным рисует Петра, например, русский историк С. М. Соловьев в «Публичных чтениях о Петре Великом»: «...народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился» (Соловьев 1989: 451).

²¹ Например, П. А. Гольбах (1963 [1770]) характеризовал Мухаммеда как сластолюбивого, честолюбивого и хитрого араба, плута, энтузиаста, красноречивого оратора, благодаря которому изменились религия и нравы значительной части человечества, и ни слова не писал о других его качествах.

²² Разумеется, ошибочна и позиция их будущих критиков, которые чрезмерное значение придавали объективным условиям народной жизни, прямо или косвенно исходя из того, что великие личности являются именно тогда, когда они нужны, примерно так, как приходит мастер по заказу клиента. К сожалению, такое совпадение является скорее случайным, чем типичным. К этому вопросу мы вернемся во второй статье (см. также: Гринин 2007; 2008).

²³ Мало того, действия великих людей, оказавших огромное влияние на историю, такие философы, как Гольбах (1963 [1770]), начинали объяснять особенностями их физиологии («более или менее едкие соли, щекочущие его нервы» и т. п.). Кроме того, будучи ниспровергателями, просветители нередко описывали выдающихся деятелей в пренебрежительном и утрированном виде.

Появление развитых концепций о роли личности

Более или менее развернутые концепции и теоретически оформленные взгляды на проблему роли личности появляются только в XIX в. Однако в течение всего этого века общие рамки дискуссии по этой проблеме лежали в определенных жестких границах. Говоря словами Г. В. Плеханова, столкновение взглядов по этому вопросу часто принимало вид «антиномии, первым членом которой являлись общие законы, а вторым – деятельность личностей. С точки зрения второго члена антиномии история представлялась простым сцеплением случайностей; с точки зрения первого ее члена казалось, что действием общих причин были обусловлены даже индивидуальные черты исторических событий» (Плеханов 1956: 331). Только в конце XIX в. удалось несколько (и то относительно) раздвинуть эти рамки.

В первые десятилетия XIX в., в период господства романтизма, происходит поворот в трактовке вопроса о роли личности. Упомянутые выше идеи просветителей сменились подходами, которые ставили личность в соответствующее историческое окружение. И если просветители пытались объяснить состояние общества законами, которые издавали правители, то романтики, наоборот, выводили правительственные законы из характера общества, а изменения в его состоянии объясняли историческими обстоятельствами (см.: Шапиро 1993: 342; Косминский 1963: 273). В целом неудивительно, что романтики и близкие им направления мало интересовались ролью исторических личностей, так как основное внимание они уделяли «народному духу» в разные эпохи и в различных проявлениях. В частности, историческая школа права в Германии исходила из того, что изменения в праве являются следствием главным образом глубоких процессов, происходящих внутри «народного духа». Разумеется, в таком подходе (если отбросить некоторую мистику, связанную с онтологизацией «народного духа») было весьма много верного, но налицо оказывался недоучет творческой роли личностей, в частности отдельных законодателей. Но при этом именно с романтизма утвердилось стремление изображать великих людей – в противоположность тому, что делали просветители – в преувеличенно восторженном (истинно романтическом) ключе.

Определенным исключением среди немецких историков в вопросе о роли личности выступал Л. Ранке (1795–1886), один из самых известных историков первой половины XIX в. Хотя его творчество имело много общего с исторической школой права, в отличие от ее представителей Ранке признает главной творческой силой истории личность. Характеристика исторических личностей, по мнению Ранке, – одна из основных задач историка (см.: Косминский 1963: 332–333). Но как теоретик Ранке был относительно слаб, поэтому какой-то цельной философской концепции, тем более касающейся взглядов на роль личности в истории, он не оставил.

Несколько более глубокий, хотя и достаточно противоречивый, теоретический подход в этом вопросе (как и в ряде других) имелся у романтиков французской либеральной исторической школы эпохи Реставрации (Ф. Гизо, О. Тьерри, А. Тьер, Ф. Минье и более радикальный Ж. Мишле). Важно учитывать, что романтики консервативного направления не признавали революции и крупные переломы в качестве закономерных форм развития²⁴, отсюда они представляли историю обществ как органическое медленное развитие. В отличие от консерваторов французские историки-романтики к революциям относились с большей симпатией (см., например: Далин 1981: 7–41), тем более что в самой Франции революционные настроения в эту эпоху (первая половина XIX в.) были очень заметны. Поэтому они в течение всего своего творчества искали пути, чтобы примирить разные подходы к роли личности в истории. Так, например, по Гизо роль личности – одна из движущих сил истории, хотя и не главная, ведущим выступает Провидение, то есть фактически объективные процессы (см., например: Реизов 1956). Гизо против того, чтобы рассматривать великих людей – что логично следует из жесткого детерминизма – «как бесплодный бич или как обременительную роскошь». Он и другие французские историки-романтики считали, что великие исторические деятели могут понять веление времени и ускорить (либо замедлить) наступление того, что необходимо. Фактически

²⁴ Одно из самых известных произведений этого рода – «Опыт о революциях» О. Шатобрлана (1768–1848).

такой взгляд вместе с другими идеями был позже заимствован и развит марксистской школой, а также некоторыми другими направлениями²⁵.

Провиденциализм и детерминизм

Г. В. Ф. Гегель (1770–1831) в отношении роли личности высказывал во многом сходные с романтиками взгляды²⁶. Исходя из своей провиденциалистской теории, он считал, что «все действительное разумно», то есть служит осуществлению необходимого и разумного хода истории. А сам ход мировой истории был разумен, поскольку являлся трансформированным выражением развития Мирового духа. Огромная заслуга Гегеля в том, что именно у него впервые мировая история предстала как процесс, причем процесс закономерный (см. подробнее: Гринин 2010г). Он является также, по мнению некоторых исследователей, основателем теории «исторической среды» (см.: Раппопорт 1899: 39), важной для проблемы роли личности²⁷. Закономерность, по Гегелю, представляла, конечно, в абсолютном виде, поэтому и призвание «всемирно-исторических личностей заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа» (Гегель 1935: 30). Естественно, у него речь шла только о деятелях, которые заслужили в истории по-

²⁵ Как известно, Маркс [1852] и сам признавал, что у французских романтиков им были заимствованы и развиты такие фундаментальные для марксизма идеи, как классовая борьба и роль народных масс в истории (Маркс 1962: 427). Что касается роли личности, то этот вопрос никогда не был для марксизма ведущим, но сходство взглядов, изложенных Г. В. Плехановым (см. ниже), с французскими романтиками налицо.

²⁶ За исключением, однако, того важного момента, что романтики в основном сосредоточились на национальных историях, а Гегель создал теорию всемирного исторического процесса и соответственно вел речь о всемирно-исторических личностях.

²⁷ Полемизируя с просветителями, которые постоянно призывали учиться у истории (мысль сама по себе верная, но такая учеба требует ясного понимания особенности каждой эпохи), Гегель говорил, что правители, как правило, ничему не учатся у истории, поскольку «в каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния» (Гегель 1934: 7–8). Иными словами, такого рода уроки не могут быть приняты сами по себе, без их глубокой и творческой переработки. Отсюда можно было сделать важный вывод в отношении понимания причин успеха (или неуспеха) действий отдельных личностей: их качества, цели и стратегии подходили (или не подходили) к эпохе и данному моменту. См. также далее о взглядах У. Джеймса.

ложительную оценку. Одна из главных идей Гегеля – великая личность не может сама творить историческую реальность, а лишь раскрывает неизбежное будущее развитие там, где другие ничего не могут предвидеть²⁸. Дело великих личностей – понять необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и вложить в ее осуществление свою энергию. А затем сойти, часто в молодом возрасте и трагически, со сцены. Однако так ли «необходимо», а главное – «разумно», было появление, например, Чингисхана и последовавшие за этим разрушения, гибель стран (хотя вместе с этим в будущем возникло и немало положительных результатов в результате образования монгольских империй)? Или появление Адольфа Гитлера и развязанная им Вторая мировая война? Словом, в таком подходе очень многое противоречило реальной исторической действительности.

Подводя итоги романтического поворота в осмыслении истории, нужно сказать, что развитие идеи органического развития общества, попытки отыскать в нем глубинные процессы были важными шагами вперед, так как открывали большие возможности для поиска исторических закономерностей. Однако зародилась тенденция к преуменьшению роли личности, продолжавшаяся длительное время и утверждающая, что в результате закономерного развития общества при потребности в том или ином деятеле одна личность всегда заменит другую.

Л. Н. Толстой как выразитель провиденциализма. Едва ли не сильнее, чем у Гегеля, идеи провиденциализма выразил Л. Н. Толстой в своих знаменитых философских отступлениях в третьем томе романа «Война и мир». Согласно Толстому, значение великих людей только кажущееся, на самом деле они лишь «рабы истории», осуществляющейся по воле Провидения. «Чем выше стоит человек на общественной лестнице, чем с большими людьми он связан, тем больше власти он имеет на других людей, тем очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступ-

²⁸ Определенно роль личности зависит от множества разных причин, и только «кажется, что герои творят сами из себя и что их действия создали такое состояние и такие отношения в мире, которые являются лишь их делом и их сознанием» (Он же 1935: 29).

ка». «Сердце царево в руке божьей». «Царь есть раб истории» (Толстой 1987: 5).

Детерминизм много позже Гегеля и даже Толстого привлекал (и продолжает привлекать) часть исследователей, которые стремились найти в истории неумолимые законы (см. дальше, например, о П. Сорокине). Так, историк Эдвард Чини (Edward Cheney) в 1930-е гг. утверждал: «Внимательно изученные, тщательно взвешенные и измеренные, расположенные в точном порядке, персональные, случайные, отдельные влияния в истории приобрели смысл и стали вырисовываться очертания великих циклических сил. События происходили сами по себе..., то есть, они происходили так последовательно и неизбежно, что вычеркивали причины не только физических явлений, но и сознательных человеческих действий. История... не является результатом свободных усилий личностей или групп личностей; еще менее она случайна – она подчинена закону» (цит. по: Нагель 1977: 94; Kotick n.d.). Был склонен к детерминизму и вышеупомянутый А. Моруа, который приходит к выводу, что народы не могут избежать уготованной им судьбы (1998: 528–529).

К детерминистским теориям относятся географический детерминизм в лице К. Риттера, позитивизм, представленный, в частности, трудами О. Конта (1798–1857); эволюционизм в лице Г. Спенсера (1820–1903) и марксизм. Из них только марксизм оставил более или менее систематическую теорию роли личности в истории²⁹. Марксизм мы рассмотрим в другом разделе.

²⁹ Позиция Риттера с его предустановленной гармонией была во многом сходной с реакционными романтиками (см., например: Косминский 1963: 359–361). Конт был слишком, говоря словами Р. Арона (1993б: 118), привержен систематизации. Он исходил из того, что природа людей и обществ едина, поэтому практически не занимался обстоятельно проблемой роли личности. Спенсер чаще касался этой проблемы, подвергал критике идеи Т. Карлейля и провиденциалистов. Но и он не высказывался по этому вопросу достаточно полно (см., например: Кареев 1890: 62). Его общий подход заключался в том, что интерпретация фактов в теории великих людей примитивна и ненаучна, что при рассмотрении того, каким образом появляются великие люди, мы поймем: они просто продукт своего социального окружения, появившийся в результате длинной цепочки сложного влияния. Прежде чем такой человек сможет переделать общество, общество должно создать его (см.: Spencer 1896: 34; Спенсер 1874: гл. 2, с. 44 и далее).

Однако это одностороннее видение, хотя бы потому, что тут нет учета крупных переломных ситуаций, которые прерывают эволюционное развитие и создают очень большую

Разумеется, религиозный, идеалистический или материалистический детерминизм, какие бы великие законы ни выставлялись в качестве главных, не может адекватно объяснить ход исторического процесса и тем более не способен решить проблему роли личности. Но и игнорировать долгосрочные тенденции, те или иные закономерности в историческом процессе – отнюдь не лучший путь для его понимания. Однако поиск оптимального соединения факторов продолжает быть одной из наиболее сложных задач.

Противоположные взгляды на роль личности в XIX в. Воспевание героев и королей. Английский философ Томас Карлейль (1795–1881) был одним из тех, кто вернулся к идее выдающейся роли личностей, «героев» в истории. Одно из самых известных его произведений, оказавших очень сильное влияние на современников и потомков, так и называлось – «Герои и героическое в истории» (1840, рус. пер. 1891; см. также: Карлейль 1994). Согласно Карлейлю, всемирная история есть биография великих людей. Карлейль и сосредоточивается в своих работах на тех или иных личностях и их роли, проповедует высокие цели и чувства, пишет целый ряд блестящих биографий. О массах он говорит гораздо меньше. По его мнению, массы нередко только орудие в руках великих личностей. По Карлейлю, существует своего рода исторический круг, или цикл. Когда героическое начало в обществе ослабевает, тогда наружу могут вырваться скрытые разрушительные силы массы (в революциях и восстаниях), и они действуют, пока общество вновь не обнаружит в себе «истинных героев», вождей (таких как Кромвель или Наполеон).

Подобный героический подход, несомненно, привлекал внимание к роли личностей, ставил (однако не решил) задачу раскрытия причин колебаний этой роли в истории. Но он имел слишком очевидные изъяны (помимо несистематического изложения): рассматривались только «герои», общество жестко делилось на вождей и массу, причины революций сводились к социальным чувствам и т. п.

По мнению Сидни Хука (Hook 1955: 42), наиболее активным поборником героической интерпретации истории после Карлейля был американский ученый Ф. А. Вудс (1873–1939). В отличие от

Карлейля и других его последователей Вудс в своей работе «Влияние монархов: движение к новой науке истории» (Woods 1913) пытался дать и эмпирическое обоснование своего подхода. Он исследовал деятельность 386 правителей в Западной Европе с XII столетия до Французской революции конца XVIII в., классифицировал их по ряду признаков, в частности разделив на три группы: сильных, посредственных и слабых монархов. Сравнив характеристики монархов с характеристиками периодов их правления, он обнаружил, в частности, что сильные, посредственные и слабые монархи ассоциируются в 70 % случаев соответственно с сильными, посредственными и слабыми эпохами, но в 10 % сильные монархи связываются со слабыми периодами и наоборот (Woods 1913: 246). Хотя и сам Вудс признает, что из этих наблюдений могут быть сделаны разные выводы, в том числе и такой, что характер исторических условий производит соответствующие качества монархов, он считает, что, напротив, вывод должен быть таков: монархи оказывают решающее влияние на исторические условия. При этом Вудс прибегает также и к биологическим аргументам, точнее, теориям входившей тогда в моду генетики, трактуя монархов как некую особую человеческую подрасу (*Ibid.*: 275³⁰).

Не так много исследователей прямо придерживались взглядов, аналогичных воззрениям Карлейля³¹. Тем не менее идея, что таинственный великий человек стоит везде на поворотном пункте истории (Юлихер 2001), высказывалась нередко.

Поиск возможностей вписать личность в процесс и эпоху. В XIX в., таким образом, идет поиск совмещения признания величия определенных исторических деятелей с процессами исторического развития. В первые две трети века эти процессы связывались особенно часто с развитием самосознания (духа) народа. А поскольку это развитие народов и обществ всегда ассоциируется с той или иной крупной исторической личностью, тема роли личности

³⁰ Использует достижения генетики для сравнения наследственных и социальных факторов в формировании выдающихся людей и У. Огборн (Ogburn 1926), правда, в теоретическом плане его статья слабая.

³¹ К числу таких относится, например, американский философ Р. Эмерсон (1803–1882) (Эмерсон 2001 [1860]).

стала достаточно популярной даже у романтиков³². Вот почему многие крупные историки более или менее подробно рассуждали о ней. При этом далеко не все из них рассматривали исторических деятелей с позиции провиденциализма и религиозного идеализма (хотя гегелевское влияние чувствуется весьма сильно). Напротив, ряд историков пытается выявить в качестве движущих сил истории вполне земные (как материальные, так и идеальные) факторы и вписать в этот поиск значение исторических деятелей. В качестве примера можно указать такого российского историка, как С. М. Соловьев, общая идея которого заключается в том, что исторический деятель должен быть вписан в характер своего времени и народа, что его деятельность удовлетворяет народную потребность и позволяет ей реализоваться. Историческая личность может быть видным, главным деятелем, но не творцом явления, проистекающего из общих законов народной жизни (Соловьев 1989: 416–426)³³. Действительно, никакие личности не способны создать великие эпохи, если для этого в обществе нет накопившихся условий. И мы во второй статье вернемся к этому. Вопрос в том, всегда ли используется шанс, когда для этого возникают исторические условия. Очевидно, что отнюдь не всегда и даже, пожалуй, в существенно более редких

³² В приведенной ниже цитате В. Г. Белинского, бывшего под влиянием Гегеля, можно найти беллетризованный синтез, достаточно характерный для эпохи 1830-х гг., детерминизма и воспевания гениев: «...в отношении к движению юные поколения играют роль только плодородной почвы, на которой скоро поднимаются семена преуспеяния. Семена же эти бросаются на плодородную почву гениями...» (Белинский 1948: 381). «Значение великих исторических деятелей можно уподобить значению дождя, который благотворно освежает землю, но который, однако, составляется все-таки из испарений, поднимающихся с той же земли», – писал последователь Белинского Н. А. Добролюбов (цит. по: Каммари, Глезерман и др. 1959).

³³ При этом у Соловьева встречаются мысли, которые отнюдь не являются бесспорными, но представляют собой попытку найти органическую связь между ролью личности и ее средой: «Только великий народ способен иметь великого человека, сознавая значение деятельности великого человека, мы сознаем величие народа» (Соловьев 1989: 426). Соловьев также указывает (и это отличает его от позиции Гегеля и сближает с идеями Гизо), что выдающиеся деятели не только совершают ошибки, но иногда своей силой ведут общества дальше того, что назначено имеющимися силами и потребностями. Это производит «неправильности» и заставляет общества делать шаг назад (что мы называем реакцией), но эта неправильность временная, а заслуга – вечная (Там же: 416). В целом общая ошибка такого рода взглядов в том, что рассматриваются только прогрессивные деятели, не учитывается внешнее влияние, а также то, что негативная роль часто оказывается более влиятельной, чем позитивная, а неосмысленные и непланируемые последствия – часто более значимыми, чем осмысленные.

случаях. Таким образом, возникает вопрос: почему в одних случаях удается реализовать возможность, а в других – нет? На мой взгляд, совпадение существования (появления) необходимой личности и потенциально выдающейся эпохи не является закономерностью, как казалось многим, включая С. М. Соловьева, в XIX в., а выступает скорее во многом случайностью. Даже при жестком вызове общества (как показывал, например, А. Тойнби [1991]) реагируют весьма по-разному, при этом – добавлю – ответы во многом зависят от того, какие личности влияют на принятие решений³⁴.

Вопрос о возможностях личности, ее соответствии времени и народу рассматривался в указанную эпоху с различных сторон. Немецкий историк Карл Лампрехт (1856–1915), автор 12-томной «Истории Германии», которого цитирует Плеханов, в частности, приходит к выводу, что общий характер эпохи является для великого человека эмпирически данной необходимостью. Но, несомненно, не так легко установить границы этой необходимости. Сам Лампрехт приводит, на его взгляд, неопровержимую иллюстрацию, спрашивая: мог ли Бисмарк вернуть Германию к натуральному хозяйству? Казалось бы, ответ очевиден. И рамки «необходимости» найдены. Но совсем скоро (во время Первой мировой войны) неожиданно оказывается, что в этой самой Германии все начинает распределяться по карточкам. Кто бы мог подумать?! А еще через двадцать лет в России и Германии и вовсе возникает плановое «натуральное» хозяйство, в котором деньги перестанут играть прежнюю роль. И хуже того – возрождается рабство. И если бы вместе с Лампрехтом спросить: можно ли возродить в Германии и России рабство, то кто бы мог представить, что можно? Таким образом, совершенно справедливая постановка вопроса о границах возможностей личности не позволяет дать простого ответа.

В последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. в спорах вокруг проблемы роли личности все чаще применяются аргументы, привлеченные из естественных наук и наук о человеке. Это мы ви-

³⁴ Ведь приди на место Петра I иной, «спокойный» государь или менее талантливый реформатор, эпоха реформ в России отложилась бы или не удалась, затем реформы могли запоздать, как позже случилось в Турции перед и в эпоху Танзимата (после 1839 г.), в результате чего страна стала бы играть совсем иную (малую, подчиненную) роль в Европе и мире. Надо учесть, что России в конце XVII в. никто непосредственно не угрожал, очевидного вызова, способствующего мобилизации сил общества (как в Смуту в начале XVII в.), не было.

дела на примере Вудса и Огборна (*Ogburn 1926*), увидим на примере подходов Джеймса, Михайловского, марксистов и т. п. (см. также об общей такого рода тенденции в общественных науках во второй половине XIX в.: Виппер 1908: гл. XII).

У. Джеймс (1842–1910), известный американский философ-прагматик, был одним из тех, кто в центр проблемы роли личности поставил вопрос о ее окружении в широком смысле слова и соответствии личности среде. Свою довольно интересную концепцию У. Джеймс изложил в лекции «Великий человек и его окружение» (*James 2005*). Джеймс полемизирует со спенсерианцами, которые основную роль в изменениях придавали эволюции и взаимодействию общества и среды, существенно занижая роль личности. Он считал, что главная причина, которая заставляет общества изменяться от поколения к поколению, связана с накоплением влияния личностей, их примера, инициативы и решений.

Джеймс избирает весьма оригинальный подход. Он берет за аналогию теорию Дарвина о влиянии среды на естественный отбор и изменение видов. Философ, по Джеймсу, должен принять гениев как данность, также как биолог принимает за данность «спонтанные вариации» Дарвина (то есть спонтанные мутации, согласно современной генетике. – *Л. Г.*). А роль личности будет зависеть от степени ее соответствия социальной среде, эпохе, моменту и т. п. Джеймс вводит понятие восприимчивости личности к исторической ситуации/моменту, периоду, времени (*sensitivities of the moment*). Изменения в обществах от поколения к поколению, по Джеймсу, прямо или косвенно обусловлены главным образом деятельностью или примером личностей. При этом либо гений этих людей оказался настолько созвучным особенностям своего времени (соответствовал определенному моменту), либо их случайное положение во власти было столь важным, что они стали вдохновителями или инициаторами движения, создали прецедент или стиль, превратились в центр духовного разложения или причину гибели других людей, чьи таланты, имея они возможность для свободной игры, вели бы общество в другом направлении (*James 2005: 174*).

В такой позиции, на мой взгляд, было немало ценного: уловлен важный момент соответствия личности ее роли; намечена типология ролей личности, хотя по-прежнему на первом месте стоят гении; показаны не только прямое, но и косвенное влияние истори-

ческих деятелей; указывается на вариативность движения общества. Но такой подход становится детерминизмом наоборот: все другие движущие силы оказываются за кадром роли личности, становится также непонятным, почему в одни эпохи много выдающихся личностей, а в другие – мало (см. также критику Джеймса С. Хуком: Hook 1955: 16–19).

Как бы то ни было, анализ соответствия личности и среды стал одним из главных в проблеме роли личности.

Марксизм. Сила марксизма была в том, что он сумел сформулировать достаточно цельную и убедительную теорию, которая объясняла ход исторического процесса материальными факторами. Однако, хотя марксизм полностью порвал с провиденциализмом и теологией, он унаследовал от объективной идеалистической философии Гегеля убеждение в том, что исторические законы инвариантны, то есть должны быть реализованы при любых обстоятельствах (максимум вариации: несколько раньше или позже, легче или тяжелее, более или несколько менее полно).

При том что крупные марксисты нередко интересно ставили вопросы, связанные с проблемой личности в истории и порой давали небезынтересные ответы³⁵, в целом в ситуации экономического детерминизма роль личности в истории представляла небольшой. Стремление противопоставлять личности и массы в пользу последних, законы и случайности – почти исключительно в пользу первых (см., например: Энгельс 1961 [1886]: 306–308) существенно способствовало такому результату³⁶.

Ряд положений относительно роли личности в классическом для марксизма виде был сформулирован Энгельсом, но наиболее систематически изложен в работе Г. В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории» (1956 [1898]). Марксисты считали, что личность может придать историческим событиям некоторое своеобразие или, по выражению Плеханова, личность может лишь наложить индивидуальный отпечаток на неизбежный ход событий,

³⁵ Например, Ленин писал, что «действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех, в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных?» (Ленин 1979: 159).

³⁶ И уж в совсем утрированном виде такое противопоставление нашло свое место в некоторых работах советских марксистов 1930–1950-х гг. (см., например: Каммари и др. 1957).

ускорить или замедлить реализацию исторического закона, но не в состоянии ни при каких обстоятельствах изменить запрограммированный ход истории. И если бы не было одной личности, то ее непременно заменила бы другая, которая выполнила бы ровно ту же историческую роль (см., например: Энгельс 1965 [1890]: 175, 176; Плеханов 1956: 326).³⁷

Признавая развитие производительных сил главной, наиболее общей исторической причиной, Плеханов пишет: «Рядом с этой общей причиной действуют особенные причины, то есть историческая обстановка, при которой совершается развитие производительных сил данного народа», а «влияние особенных причин дополняется действием причин единичных, то есть личных особенностей общественных деятелей и их “случайностей”, благодаря которым события получают, наконец, свою индивидуальную физиономию». Но «единичные причины не могут произвести коренных изменений в действии общих и особенных причин, которыми к тому же обуславливаются направление и пределы влияния единичных причин» (Плеханов 1956: 322).

Ясно, что Плеханов исходит не просто из линейности исторического процесса, но из всегда и везде полной соподчиненности и иерархии причин. Между тем в истории множество случаев поворотных, «бифуркационных», судьбоносных и т. п., когда именно «малые» причины влияют на возможность реализации тенденции, когда сталкиваются разные силы и т. п. Именно в таких ситуациях роль личности становится очень важной и даже решающей. Огромное количество исторических ситуаций и явлений также связано с наличием определенной силы, системы и т. п., само существование которых зависит от массы причин разного ранга, включая и качества и возможности (удачи) личностей³⁸.

³⁷ Этот довольно распространенный тезис о том, что вместо Наполеона (Цезаря и т. п.) непременно пришел бы другой деятель и политика существенно не изменилась бы, высказывали представители разных школ и взглядов. Например, французский историк А. Сорель, автор 8-томного труда «Европа и французская революция» (рус. пер. 1892–1908), считал, что место Наполеона мог бы занять, например, блестящий революционный генерал Ош, загадочно умерший в 1793 г., когда всходила звезда Наполеона (см.: Карсавин 1993: 315).

³⁸ Самая крупная кочевая империя сложилась только однажды в истории (хотя потенциал было немало), и возможность ее появления, так же как и удача дальнейших завоеваний, в огромной степени зависела от конкретной личности – Чингисхана. Между тем Чингисхан еще до провозглашения его верховным ханом трижды чудом избегал смерти, причем один раз его искали триста погнавшихся за ним всадников (Хара-Даван 1996: 105). Погибни он – и гигантской империи бы не возникло. Ведь история кочевников показывает, что порой прохо-

Плеханов невольно исходит из идеи осуществления смысла истории ранее, чем совершились события³⁹. При этом его логика на первый взгляд противоречит известной мысли Ф. Энгельса. «История делается таким образом, – писал последний, – что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств... то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате получается нечто такое, чего никто не хотел» (Энгельс 1965 [1890]: 395–396). Однако и Энгельс (см. его мысль о замене исторических деятелей выше), и другие марксисты воспринимают личности главным образом как вспомогательные движущие силы, полагая за действиями множества личностей гораздо более влиятельные исторические силы, которые должны неизбежно реализовать открытые ими законы.

Но неизбежных, действующих вопреки всему, с «железной необходимостью» законов нет и быть не может в истории. Во-первых, мировая совокупность обществ – это сложная система, в которой роли тех или иных государств вовсе не одинаковы (а следовательно, и пути развития существенно различны). Поэтому, например, промедление с реформами из-за того, что у власти была не выдающаяся, а посредственная личность, способно оказаться фатальным для конкретного общества, которое из-за этого может отстать и попасть в зависимость (как например, случилось в Китае в XIX в., в то время как Япония сумела перестроиться и сама стала делать захваты).

Во-вторых, детерминисты недостаточно учитывали, что личность не только действует в определенных обстоятельствах, но когда обстоятельства позволяют, в известной мере творит их согласно собственному пониманию и особенностям. Например, в эпоху Мухаммеда в начале VII в. арабские племена и вождества чувствовали потребность в новой религии (идеологии), и в их среде появлялись разного рода пророки и идеологи (см., например: Коротаев и др. 2007). Но какой могла стать новая религия в своем реальном

диди многие сотни лет, пока появлялся деятель, способный до такой степени сплотить их. А Монгольскую империю и вовсе нужно рассматривать как исключительный случай (Barfield 1991: 48).

³⁹ Неудивительно, что некоторые его рассуждения Арон называет наивными (1993а: 4, 208).

воплощении, во многом зависело уже от конкретной личности. А установленные Мухаммедом правила, записанные священные тексты, законы и прочее, созданные нередко под влиянием тех или иных обстоятельств, личного опыта и т. п., превратились затем в каноны, которые играли и играют до сих пор очень важную роль. И главное: арабы, конечно, могли обрести иную религию, но стала бы она без Мухаммеда мировой?

В-третьих, многие события, включая, например, *социалистическую* революцию в России (именно ее, а не вообще революцию в России), надо признать результатом, который мог бы и вовсе не осуществиться без совпадения ряда случайностей, выдающейся роли Ленина и в меньшей мере – Троцкого. Подобные взгляды были проанализированы, в частности, в работе С. Хука (Hook 1955).

Плеханов старается быть объективным, но это невозможно, если стоять на точке зрения его «монистического» подхода к истории. В частности, он пишет, что роль личности и границы ее деятельности определяются организацией общества, и «характер личности является “фактором” такого развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» (Плеханов 1956: 322). В целом это во многом верно. Но напрашивается вопрос: каковы возможности личности, если общественные отношения позволяют ей становиться «фактором такого развития»? Разве в этой ситуации развитие не может стать более зависимым от желаний и личных качеств правителя, который и станет концентрировать силы общества в нужном ему русле, чем от иных причин? Таким образом, если характер общества дает простор произволу (случай в истории очень распространенный), то указанное плехановское положение не позволяет ответить на многие вопросы.

Однако если – что является единственно верным – исходить из того, что в разных ситуациях влияние разных сил может иметь различный результат, то значит, и личность в каких-то ситуациях – но далеко не во всех – становится очень важным и даже важнейшим фактором. В следующей статье мы попробуем разобраться, в каких именно (см. также: Гринин 2007; 2008).

Стоит обратить внимание на то, что в отличие от Гегеля в марксизме принимаются во внимание уже не только положительные, но и отрицательные деятели (первые могут ускорить, а вторые – замедлить реализацию закона), хотя сама оценка «положительной»

или «отрицательной» роли существенно зависела от субъективной и классовой позиции философа и историка. Если радикалы-революционеры считали Робеспьера и Марата героями, а королей – реакционерами, то более консервативная часть, включая и либералов, рассматривала их как кровавых фанатиков, а многих королей считала героями и мучениками.

Ленин в ряде своих работ также затрагивает проблему роли личности, как и Троцкий в своей двухтомной «Истории русской революции», впервые изданной в Германии в 1932 г. Но притом что отдельные мысли заслуживают внимания, ничего оригинального в этом плане по сравнению с другими марксистами они не сделали.

Из марксистских исследователей, некоторые идеи которых имели определенные отличия от ортодоксии, необходимо упомянуть А. Лабриолу (1843–1904), отдельные цитаты из книги которого «Материалистическое понимание истории» (1960 [1895]) выше уже приводились, а также А. Грамши (1891–1937) и К. Каутского (1854–1938), о которых далее (в этой и следующей статье) еще будет идти речь.

Попытки выйти из дихотомии и найти иные решения. Постепенно философов перестали удовлетворять как жестко детерминистские и фаталистические теории, не оставляющие творческой исторической роли личностям, так и волюнтаристские теории, согласно которым личность может изменить ход истории так, как ей угодно. Поэтому исследователи отходят от крайних решений. Давая оценку господствующим течениям философии истории, философ Х. Раппопорт в самом конце XIX в. писал (1899: 43–58), что вопрос о личности помимо двух вышеуказанных допускает и «третье возможное решение вопроса об историческом значении личности», которое «представляет комбинацию или примирение субъективной и объективной точек зрения. Личность есть как причина, так и продукт исторического развития... это решение, в его общей форме, кажется наиболее близким к научной истине...» (Там же: 47)⁴⁰. В целом это был верный путь, хотя удержаться на «среднем»

⁴⁰ К «среднему» взгляду Раппопорт (Раппопорт 1899: 47), относит в частности подход Г. Т. Бокля в «Истории цивилизации в Англии» (2004 [1857–1861]), что, однако, представляется недостаточно обоснованным. С. Хук (Hook 1955: 67) напротив – на мой взгляд, более правомерно – относит Т. Бокля, к детерминистам. Бокль считал, что в общем прогрессе

взгляде оказывалось сложным. Так, Раппопорт дополняет «средний взгляд» семью небезынересными пунктами⁴¹. Однако в конце концов они делают его взгляд ближе к первой точке зрения. Это объясняется тем, что когда философы – а таких было большинство – выдвигали на первый план в качестве движущих сил истории идеи, они тем самым преувеличивали роль личностей (от появления или непоявления той или иной великой идеи, того или иного изобретения соответственно зависел ход истории)⁴². Поиск же материальных и иных объективных движущих сил истории, что было свойственно для марксизма, географической школы и эволюционизма, приводил к занижению роли личности.

Близким к «среднему» взгляду и решению оказался и подход известного русского социолога Н. И. Кареева, изложенный в его объемной работе «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (Кареев 1890; второе издание 1914). Для него вопрос о роли личности в историческом процессе есть главный вопрос при исследовании проблемы, как совершается прагматическая история (Кареев 1890: 12), на котором продуктивно исследовать такие проблемы, как наличие и характер исторических законов, исторический прогресс, эволюция и т. п., поскольку он рассматривает личность как исходный и ключевой субъект социальной жизни. Кареев разбирает как крайние концепции Т. Карлейля и Л. Н. Толстого (и им аналогичные), которые абсолютизируют либо личную инициативу, либо безличный характер истории. Сам он исходит из того, что необходим синтетический подход к проблеме, в целом вполне правильно считая, что нет роли личности вообще. Он считает, что научная «историология» должна возратить великих людей человеческой массе, то есть фактически речь идет о том, чтобы правильно увидеть всю совокупность условий и влияний в определенной ситуации. Однако нельзя полностью согласиться с ним в том отношении, что нет никакой границы, по одну сторону которой стояли бы «герои», а по другую – толпа, поскольку масса и

действия индивидуумов имели незначительное влияние, и называет королей, государственных деятелей и генералов «куклами» без исторического значения.

⁴¹ Например, «личность не всегда сила, но она при известных условиях становится огромной двигательной силой» (Раппопорт 1899: 56).

⁴² Тут, возможно, подспудно действовало то, что тем самым данные мыслители «забивали» выдающееся место в истории и для себя.

состоит из личностей, великих и малых, а не есть нечто безличное. Действительно, не может быть абсолютного противопоставления исторического деятеля и массы, поскольку в конечном счете, с одной стороны, всегда возникает определенная иерархия людей, стоящих ближе к деятелю и одновременно действующих в направлении реализации его идей (воли, планов и т. п.), а с другой – оказывающих на него влияние. Но все же очень нередки случаи, когда личность и масса разделены вполне определенным качественным барьером, в частности, нередко личность начинает действовать в одиночку и только потом возникает иерархия ее последователей и соратников. Достаточно вспомнить влияние некоторых проповедников, таких, например, как Франциск Ассизский, способных увлечь своим личным примером множество людей (см., например: Пименова 1995)⁴³.

Во взглядах Кареева можно найти определенное влияние психологического подхода к истории (недаром он так интересуется взглядами Михайловского и Тарда), а также и влияние таких народников, как Лавров, но Кареев вполне самостоятельный философ и социолог. Правда, он рассматривает личность прежде всего как положительную, что делает его подход менее интересным, чем подход Михайловского (см. ниже).

Кареев, как объективный и добросовестный исследователь, стремится увидеть разные ситуации в истории, приходя к выводу о том, что личности не только носители культуры, но и ее творцы; организация не только среда для них, но и великое орудие социальных изменений⁴⁴. Однако в конечном счете Кареев подтверждает

⁴³ Такой взгляд Кареева и других, стремящихся уничтожить границу между выдающимися и рядовыми личностями, в настоящее время был реализован в одном из течений современной историографии, так называемой персональной истории (выросшей в поле микроистории), которая работает в биографическом жанре, но предпочитает описывать судьбы и интеллектуальные биографии скорее невыдающихся (а то и рядовых) в историческом плане лиц, чем выдающихся (см., например: Репина 2010). Здесь прослеживается, по сути, тот же подход, что и в постмодернистских взглядах, когда некоторые постмодернисты отрицают разницу между беллетристикой и историческим дискурсом.

⁴⁴ Этот взгляд Кареева более предпочтителен, чем, скажем, взгляд раннего П. Сорокина, изложенный в его «Системе социологии» (1993 [1920]: гл. 6). Сорокин стоит скорее на детерминистских позициях, близких к плехановским, считая, что «поведение любого индивида представляет равнодействующую давления тех групп, к которым он причастен. Из этого правила нет исключений ни для малых, ни для великих людей, ни для лидера революционной партии, ни для абсолютного деспота». «Наполеон и Бисмарк, Спартак и Петр Великий, Перикл и Иван Грозный, Азеф и Каляев и все другие деспоты и вожаки были такими, какими мы их знаем, потому что такова была система социальных координат, в центре которых они стоя-

верность своей ранее высказанной идеи, фактически склоняющей его к преувеличению роли личности. Он считает, что личность есть единственный фактор истории и все в истории существует через личность (Кареев 1890: 12–13). Он полагает, что преимущественно общество двигают личности, которые создают и распространяют новые идеи и комбинируют силы общества для движения, выражая назревшие потребности.

Поиск некоей золотой середины позволял более объективно рассмотреть проблему роли личности в истории, увидеть разные аспекты проблемы и т. п. Однако все же такой «средний» взгляд не позволял объяснить многие проблемы, в частности когда и почему личность может оказывать решающее воздействие на события, а когда нет.

По-своему (но также порывая с рамками дихотомии) пытается решить проблему роли личности Л. П. Карсавин в своей «Философии истории» (1993 [1923]: 313–318). Он справедливо подвергает критике некоторые методологические ошибки в решении этой проблемы, например указывая, что содержание личности в сознании исследователей постоянно меняется, что не позволяет установить точной границы между личностью и тем, с чем она взаимодействует (Карсавин 1993 [1923]: 316). Однако он считает, что вопрос о роли личности в принципе неправильно поставлен и потому в данных категориях неразрешим. Но решение самого Карсавина совершенно неудовлетворительно, оно дается в мистических и неконкретных дефинициях, характерных для русской идеалистической философии с ее духовностью, соборностью и всеединством⁴⁵.

Теория Михайловского. Личность и массы. В последней трети XIX – начале XX в. идеи личности-одиночки, способной совершить благодаря силе своего характера и интеллекта невероятные вещи, в том числе повернуть ход истории, были очень популярны⁴⁶. Особенно восприимчивыми к ним оказались революцион-

ли» (Там же: 572, 573). Хотя в критике некоторых ошибок, в частности в чрезмерном противопоставлении личности и общества, Сорокин (Там же: 580) и Кареев едины.

⁴⁵ «Взаимодействие индивидуальностей одного порядка не что иное, как “параллельная” индивидуализация в них одного акта высшей личности, связанная с их взаимовытеснением в ней. (Это вполне ясно уже выражено у Плотина в теории взаимоотношения индивидуальных душ чрез мировую.)» (Карсавин 1993: 317).

⁴⁶ Эти настроения были выражены и в литературе. Литературные герои целого ряда произведений (обычно с помощью открытых и созданных ею новейших технических средств) совершают невероятные вещи, часто пытаются захватить власть в отдельном обще-

но настроенные молодые люди⁴⁷. Неудивительно, что вопрос о роли личности был достаточно популярным в это время. Это поставило в центр внимания проблему взаимоотношений «героя» и массы (толпы). Среди тех, кто резко противопоставлял героев и массы, заметное место занимает П. Л. Лавров. Концепция Лаврова не лишена оригинальности, но она имеет откровенно пропагандистскую направленность. Взгляд Лаврова выступает прямой противоположностью подходу Карлейля. В своих «Исторических письмах», опубликованных в 1868 г. (см.: Лавров 1905), в частности в Письме пятом «Действие личностей», Лавров противопоставляет горстку образованного и творческого меньшинства, которое не особенно полезно народу, но может существовать только за счет того, что большинство создало ему все условия, и забитое большинство, задавленное работой и трудностями. Это необходимо Лаврову, чтобы призвать интеллигентную молодежь к искуплению вины перед народом и к тому, чтобы приносить ему посильную пользу. Но в то же время Лавров чрезмерно преувеличивает роль так называемых критически мыслящих личностей, то есть революционеров, в деле «прогресса человечества».

Существенный вклад в развитие этой проблемы внес Н. К. Михайловский (1842–1904). В своих статьях «Герои и толпа» (1882), «Научные письма (к вопросу о героях и толпе)» (1884), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893) (см.: Михайловский 1998) он формулирует новую теорию и показывает, что под личностью не обязательно понимать выдающую личность, а в принципе – любую личность, которая волей случая оказалась в определенной ситуации во главе или просто впереди массы⁴⁸. Михайловский в отношении исторических личностей не развивает подробно эту тему (едва ли не чаще он приводит литературные примеры или то, что во време-

стве или даже в мире. Достаточно напомнить о громком успехе таких книг, как «Двадцать тысяч лье под водой» Ж. Верна, «Фантомас» М. Аллена и П. Сувестра, «Человек-невидимка» Г. Уэллса и др. В частности, герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» делил всех людей на «тварей дрожащих» и «право имеющих».

⁴⁷ Недаром именно в это время зарождается и широко распространяется революционный и ему подобный террор.

⁴⁸ По сути, тут проявляется нечто, похожее на математический эффект изменения числа, справа от которого подставляются нули. Если личность принять за единицу, а людей в толпе условно считать нулями, то когда один из этих нулей превращается в личность-единицу и к тому же оказывается впереди остальных, может получиться очень большое число.

на Пушкина называлось историческими анекдотами). Его статья скорее имеет психологический аспект, в чем-то похожий на теорию роли подражания Г. Тарда, изложенную в известном труде последнего «Законы подражания» (1890 г.; рус. пер. 1892)⁴⁹.

Смысл идей Михайловского (который иногда теряется за некоторой сумбурностью изложения) состоит в том, что личность вне зависимости от ее качеств может в определенные моменты резко усилить своими эмоциональными и иными действиями и настроениями толпу (аудиторию, группу), отчего все действие приобретает особую силу. Словом, роль личности зависит от того, насколько ее психологическое воздействие усиливается восприятием массы⁵⁰.

Приходится сожалеть, что Михайловский не нашел возможности хоть как-то систематически изложить свои идеи о роли личности в истории (о чем сам Михайловский, а также Кареев и другие исследователи весьма сожалели; см.: Кареев 1998 [1904]: 391). Если интерпретировать идеи Михайловского в определенном направлении, можно сказать, что роль личности зависит от того, какую силу она возглавляет или направляет, так как сила личности за счет этого многократно увеличивается. *При такой интерпретации один из важных аспектов проблемы роли личности – взаимоотношения личности и массы – получает более адекватное решение.*

В чем-то похожие выводы, но существенно более четкие и дополненные за счет его марксистской классовой позиции (касающиеся уже более или менее организованной массы, а не простой толпы) позже сделал К. Каутский. «Историческое... влияние личности, – писал он, – прежде всего зависит от силы класса или группы, доверие которых эта личность завоевала и в качестве представителя которого она выступает. Совокупные силы этой группы или класса кажутся тогда историку личной силой их представителей. Поэтому силы этой личности могут принимать в описании сверхчеловеческие размеры» (Каутский 1931: 696).

* * *

⁴⁹ Это сходство находили различные исследователи, некоторые подчеркивали, что Михайловский опередил Тарда на 8 лет (см.: Голосенко, Козловский 1995: 101). К слову сказать, в конце XIX – начале XX в. тема толпы, иррациональности ее поведения становится очень популярной, и Михайловский был одним из первых, кто ее поднял.

⁵⁰ С чем несколько перекликается мысль молодого К. Маркса, что идеи (теории) становятся материальной силой, когда они овладевают массами (Маркс 1955).

Итак, несомненно, что значение деятелей определяют много факторов и причин. И в начале XX в. это стали понимать более глубоко. Но проблема роли личности с каждой исторической эпохой представляла в новом блеске своей сложности. Появление новых деятелей, сумевших потрясти мир, каждый раз требовало от философов пересмотра своих позиций. Плеяда французских революционеров, заставлявших одних их боготворить, а других – проклинать, а затем фигура Наполеона, не оставлявшая равнодушным современников и потомков, положили начало современным теориям роли личности⁵¹. Появление таких исторических деятелей, которые реализовали уже давно назревшие потребности наций в едином государстве, как О. Бисмарк в Германии, Дж. Гарibaldi в Италии, заставили думать о соответствии личности и момента. Борьба одиночек-революционеров породила теории анализа «героев и толпы». Наконец, фигуры Ленина, Троцкого, Сталина, Муссолини и Гитлера, заставившие мир вздрогнуть и ужаснуться, потребовали по-новому взглянуть на проблему роли личности. Но здесь мы уже перешли к анализу современных взглядов, которым посвящена следующая статья.

Литература

Арон, Р.

1993а. *Мнимый марксизм*. М.: Прогресс.

1993б. *Этапы развития социологической мысли*. М.: Прогресс.

Барг, М. А. 1987. *Эпохи и идеи. Становление историзма*. М.: Мысль.

Бациева, С. М. 1965. *Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима»*. М.: Наука.

Белинский, В. Г. 1948. Руководство к всеобщей истории. В: Белинский, В. Г., *Избранные философские сочинения* (с. 375–391). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Бокль, Г. Т. 2000. *История цивилизаций: История цивилизации в Англии*. Т. 1. М.: Мысль.

Брагина, Л. М. 1999. Культура возрождения в Италии во второй половине XIV–XV вв. В: Брагина, Л. М. (ред.), *История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения* (с. 17–69). М.: Высшая школа.

⁵¹ «Мы все глядим в Наполеоны», – писал, например, А. С. Пушкин.

Бэшем, А. Л. 1977. *Чудо, которым была Индия*. М.: Наука.

Виппер, Р. 1908. *Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе*. 2-е изд. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнарев и К^о.

Витте, С. Ю. 1960. *Воспоминания*: в 3 т. Т. 1. М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры.

Галкин, И. С. (ред.) 1977. *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки*. Разд. 1. М.: МГУ.

Гегель, Г. В. Ф.

1934. *Философия права*. В: Гегель, Г. В. Ф., *Соч.*: в 14 т. Т. 7. М.; Л.

1935. *Философия истории*. В: Гегель, Г. В. Ф., *Соч.*: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Соцэкгиз.

Гоббс, Т. 1991. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. В: Гоббс, Т., *Соч.*: в 2 т. Т. 2 (с. 4–545). М.: Мысль.

Голосенко, И. А., Козловский, В. В. 1995. *История русской социологии XIX–XX вв.* М.: Онега.

Гольбах, П. 1963. *Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. Избранные произведения*: в 2 т. Т. 1. М.

Грановский, Т. Н. 1987. *Лекции по истории средневековья*. М.: Наука.

Гринин, Л. Е.

2007. Проблема анализа движущих сил исторического развития, общественного прогресса и социальной эволюции. В: Семенов, Ю. И., Гобзов, И. А., Гринин, Л. Е., *Философия истории: проблемы и перспективы* (с. 148–247). М.: КомКнига/URSS.

2008. О роли личности в истории. *Вестник РАН* 78(1): 42–47.

2010а. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 1. Древний Восток. Лекция 2. Античность. *Философия и общество* 1: 167–203.

2010б. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 3. Средневековая теология, теория истории и историография. Западная Европа. *Философия и общество* 2: 151–173.

2010в. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 5. Период раннего Возрождения (конец XIV – начало XVI в.). Лекция 6. XVI – начало XVII в. Лекция 7. Теория и методология истории в XVII в. *Философия и общество* 3: 162–199.

2010г. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 8–9. Век Просвещения. Первая половина XIX в. (в печати).

Далин, В. М. 1981. *Историки Франции XIX–XX веков*. М.: Наука.

Долинин, К. А., Любарский, Я. Н. 1999. Повествовательные структуры в византийской историографии. В: Любарский, Я. Н., *Византийские историки и писатели*. СПб.: Алетейя.

Игнатенко, А. А. 1980. *Ибн-Хальдун*. М.: Мысль.

Каммари, М. Д., Глезерман, Г. Е., и др. 1957. *Роль народных масс и личности в истории*. М.: Госполитиздат.

Кареев, Н. И.

1890. *Основные вопросы философии истории*. Ч. III. *Сущность исторического процесса и роль личности в истории*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.

1914. *Сущность исторического процесса и роль личности в истории*. 2-е изд., с добавл. СПб.: Тип. Стасюлевича.

1998. Памяти Н. К. Михайловского как социолога. В: Михайловский, Н. К., *Герои и толпа: Избранные труды по социологии*: в 2 т. / отв. ред. В. В. Козловский. Т. 2 (с. 386–398). СПб.: Алетейя.

Карлейль, Т.

1891. *Герои и героическое в истории*. СПб.: Издание Ф. Павленкова.

1994. Герои, почитание героев и героическое в истории. В: Карлейль, Т., *Теперь и прежде* (с. 6–198). М.: Республика.

Карсавин, Л. П. 1993. *Философия истории*. СПб.: Комплект.

Каутский, К. 1931. *Материалистическое понимание истории*. Т. 2. М.; Л.

Коллингвуд, Р. Дж. 1980. *Идея истории. Автобиография*. М.: Наука.

Коротаев, А. В., Клименко, В. В., Прусаков, Д. Б. 2007. *Возникновение ислама: Социально-экономический и политико-антропологический контекст*. М.: ОГИ.

Косминский, Е. А. 1963. *Историография средних веков: V в. – середина XIX в.* М.: МГУ.

Кузищин, В. И. (ред.) 1980. *Историография античной истории*. М.: Высшая школа.

Кучера, С. Н. 2002. *Историография истории Древнего Китая*. В: Кузищин, В. И. (ред.), *Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай* (с. 163–298). СПб.: Алетейя.

Лабриола, А. 1960. *Очерки материалистического понимания истории*. М.: Наука.

Лавров П. Л. 1905. *Исторические письма*. СПб.: Русское Богатство. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.revkom.com/biblioteka/utoriya/lavrov/lavrov.htm>. Дата доступа: 15.09.2010.

Ларошфуко, Ф., Паскаль, Б., Лабрюйер, Ж. 1974. *Франсуа де Ларошфуко: Максимы. Блез Паскаль: Мысли. Жан де Лабрюйер: Характеристики, или нравы нынешнего века*. М.: Худ. лит-ра.

Ленин, В. И. 1979. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 1. (с. 125–346). М.: Политиздат.

Локк, Дж. 1988. Два трактата о правлении. В: Локк, Дж., *Соч.*: в 3 т. Т. 3 (с. 135–406). М.: Мысль.

Лосев, А. Ф. 1977. *Античная философия истории*. М.: Наука.

Макиавелли, Н. 1990. *Государь*. М.: Планета.

Маркс, К.

1955. К критике гегелевской философии права. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 1 (с. 219–368). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

1962. Иосифу Вейдемейеру, 5 марта 1852 г. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 28 (с. 422–428). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Михайловский, Н. К. 1998. *Герои и толпа: Избранные труды по социологии*: в 2 т. / отв. ред. В. В. Козловский. Т. 2. СПб.: Алетейя.

Моруа, М. А. 1998. *Байрон. Письма незнакомке. Открытое письмо молодому человеку о науке жить*. М.: Олимп.

Нагель, Э. 1977. Детерминизм в истории. В: Кон, И. С. (ред.), *Философия и методология истории* (с. 94–114). М.: Прогресс.

Парыгин, Б. Д. 1971. *Основы социально-психологической теории*. М.: Мысль.

Пименова, Э. К. 1995. Франциск Ассизский. В: *Будда. Конфуций. Магомет. Франциск Ассизский. Савонарола: Биографические очерки* (с. 211–278). М.: Республика.

Плеханов, Г. В. 1956. К вопросу о роли личности в истории. *Избранные философские произведения*: в 5 т. Т. 2 (с. 300–334). М.: Госполитиздат.

Порозовская, Б. Д. 1995. Жан Кальвин (его жизнь и реформаторская деятельность). В: *Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола: Биографические очерки*. М.: Республика.

Раппопорт, Х. 1899. *Философия истории в ее главнейших течениях*. СПб.

Реизов, Б. Г. 1956. *Французская романтическая историография 1815–1830 гг.* Л.: ЛГУ.

Репина, Л. П. (ред.) 2010. *История через личность. Историческая биография сегодня.* М.: Квадрига.

Соловьев, С. М. 1989. Публичные чтения о Петре Великом. В: Соловьев, С. М., *Чтения и рассказы по истории России* (с. 414–583). М.: Правда.

Сорокин, П. А. 1993. *Система социологии: в 2 т. Т. 2. Социальная аналитика о строении сложных агрегатов.* М.: Наука.

Спенсер, Г. 1874. *Изучение социологии.* Т. 1. СПб.

Столяров, А. А. 1999. *Свобода воли как проблема европейского морального сознания.* М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина.

Тард, Г. 1892. *Законы подражания.* СПб.

Тойнби, А. Дж. 1991. *Постижение истории.* М.: Прогресс.

Толстой, Л. Н. 1987. *Война и мир: в 4 т. Т. 3.* М.: Просвещение.

Тыжов, А. Я. 1994. Полибий и его «Всеобщая история». В: Полибий, *Всеобщая история* / ред. А. Я. Тыжов. Т. I. СПб.: Наука; Ювента.

Утченко, С. Л. 1973. *Цицерон и его время.* М.: Наука.

Хара-Даван, Э. 1996. Чингис-Хан как полководец и его наследие. В: Муслимов, И. Б. (ред.), *На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.)* (с. 73–276). М.: ИНСАН.

Шапиро, А. Л. 1993. *Историография с древнейших времен до 1917 г.* М.: Культура.

Эмерсон, Р. 2001. *Нравственная философия.* Минск: Харвест; М.: АСТ.

Энгельс, Ф.

1961. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 21 (с. 269–317). М.: Политиздат.

1965. Йозефу Блоху в Кенигсберг, Лондон, 21[–22] сентября 1890 г. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 37 (с. 393–397). М.: Политиздат.

Юлихер, А. 2001. Религия Иисуса и начала христианства до Никейского собора. *Раннее христианство: в 2 т. Т. 1* (с. 181–304). М.: АСТ.

Barfield, Th. 1991. Inner Asia and Cycles of Power in China's Imperial History. In Seaman, G., Marks, D. (eds.), *Rulers from the Steppe: State For-*

mation on the Eurasian Periphery (pp. 21–62). Los Angeles, CA: Ethnographics Press.

Fukuyama, F. 1992. *The End of History and the Last Man*. New York, NY: Free Press.

James, W. 2005. *Great Men and Their Environment*. Kila, MT: Kessinger Publishing.

Hook, S. 1955. *The Hero in History. A Study in Limitation and Possibility*. Boston: Beacon Press.

Kotick, J. E. *Метафизический смысл Закона волн Эллиотта*. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://club.investo.ru/viewtopic.php?f=16&t=123403>. Дата доступа: 04.05.2005.

Ogburn, W. F. 1926. The Great Man versus Social Forces. *Social Forces* 5(2) (December): 225–231.

Spencer, H. 1896. *The Study of Sociology*. New York, NY: Appleton.

Woods, F. A. 1913. *The Influence of Monarchs: Steps in a New Science of History*. New York, NY: Macmillan.